

Любовь к отеческим гробам

Петербург музыкальный отметил юбилей пышным и торжественным гала-концертом в Мариинском театре, затянувшимся, по обыкновению, до поздней ночи. Впрочем, устроителей вечера понять можно: на пушкинские сюжеты и тексты написано так много гениальной музыки, что хочется играть все подряд, пленяясь каждой страницей партитуры Чайковского, Мусоргского или Римского-Корсакова.

Однако в качестве гвоздя программы был подан неизвестный доселеopus Георгия Свиридова: монолог "Гробница Кутузова" для баса с оркестром. Эскизы незаконченного сочинения датируются 1984 годом и, судя по сохранившимся наброскам, представляют собой логическое продолжение пушкинской темы в творческом наследии композитора, начатой ранним вокальным циклом, оркестровой сюитой к "Метели" и "Пушкинским венком".

Дописал и оркестровал "Гробницу" питерский композитор Геннадий Белов. Получившаяся композиция — небольшая, минут на шесть, — по всем внешним приметам воспроизводит характерный свиридовский стиль, совпадая с ним и по гармоническому облику, и по фактуре, и по формообразующему принципу. Однако сгущенная "свиридовщина" с нарочито расставленными на видных местах знаками-указателями, вместо того чтобы рассеять сомнения в подлинности партитуры, лишь упрочила их. Слишком уж много использовано тиражированных, специфически свиридовских приемов, слишком явны автоповторы, слишком все смахивает на грамотную стилизацию "под Свиридова".

Между тем сам композитор даже в миниатюрах, даже в проходных сочинениях каждый раз заново творил собственный авторский стиль. В любом его opусе добросо-

вестный исследователь непременно найдет пусть маленькое, но художественное открытие. Вот это-то "открытие" в представленной публике "Гробнице Кутузова" как раз и не было. Все остальные смыслообразующие элементы композиторской речи присутствовали и были вполне узнаваемы: и тишайший зачин виолончелей, и надстроенные над ними гулкие пустоты квинт, и знаменитые свиридовские кластерные тематические "грозда", и протяженное дыхание формы, вздымающейся двумя громадными фактурно-динамическими волнами, и благостное плагальное кадансирование, и результативность ладовых конструкций, и мерцающая переменность, и дальние колокольные звоны, и кульминация, разбивающаяся о логический отыгрыш струнных... Богатейшие обертоны глубокого "церковного" баса Геннадия Беззубенкова, погружающего слушателя в молитвенно-сосредоточенное настроение сдержанной скорби, по образному строю приближенное к каноническому разделу De profundis ("Из глубины взываю..."), и строгость оркестровых очертаний в интерпретации Валерия Гергиева были, бесспорно, выразительны и красивы той неброской красотой церковного музицирования, что так редко встретишь в рамках светского концерта. Но несмотря на это, ощущения подлинности свиридовского текста не было. И это явилось главным огорчением пушкинского, в целом удачного концерта, где выступали чуть ли не все ведущие солисты Мариинки — Л. Дядькова, Н. Путилин, В. Ванеев, К. Плужников, Н. Охотников, М. Кит, В. Огновенко, А. Нетребко, О. Трифонова, Н. Павловская, И. Джигоева, Ф. Кузнецов и многие другие.